

Характеристика произведения в оценке одинакового «звучания» в русском и нивхском языках, конечно, имеет в виду не фонетику и орфоэпию. Разнородность этих языков на всех уровнях, и в том числе на синтаксическом, логико-грамматическом, достаточно очевидна. А ведь именно на этом уровне прежде всего отражаются структурные компоненты мысли. Здесь Санги подразумевает ту особую стилевую тональность, тот «внутренний ритм», обусловленный национально-специфическим началом, о котором говорит Пулатов применительно к повести Чингиза Айтматова «Белый пароход».

В чем состоит эта стилевая тональность национального своеобразия писателей-билингвов? Какие она имеет проявления в сфере языка произведений и в границах отдельных текстов? Прежде всего надо отметить, что характер проявления национальной специфики часто связан с индивидуальной манерой автора. В противном случае мы могли бы выявлять своего рода «национальную типологию» на основании чуть ли не одного-двух произведений. Даже объект изображения на уровне темы и сюжета повествования подчинены авторскому отбору; взаимосвязь структурных частей произведения на уровне композиции также осуществляется на основе индивидуального замысла; в сфере же способа изображения индивидуальность творческой манеры писателя имеет наиболее яркое проявление. Анализ способа изображения и отображения национального мира связан с объектом лингвистического исследования. Но при этом способ изображения не может рассматриваться в отрыве от предметно-содержательной сущности произведения.

Как известно, любое содержание передается прежде всего словом. В то же время слово — единица лексической системы — наиболее непосредственно отражает содержательную сторону языка в целом. Опора на слово может служить исходным моментом лингвистического исследования, нацеленного на выявление национального начала художественного произведения. С этой точки зрения внимание привлекают в первую очередь слова национальных языков, которые в лингвистике по отношению к русскому языку квалифицируются как «безэквивалентные» [9], «экзотические» [10], «региональные» [11]. В данном случае художественное произведение является той сферой, где на уровне лексики осуществляется взаимодействие языков — русского и национального.

Вопрос об отношении национальной лексики к русскому языку в русскоязычном художественном произведении может ставиться и решаться по-разному в зависимости от конкретных задач и целей. Так, констатация употребления национальных лексем в тексте приводит к известным обобщениям, относящимся к вопросу об усвоении данных слов лексической системой русского языка. Опыт подобного обобщения, например, на материале слов северокавказского происхождения, предлагается И. Е. Гальченко [11]. Вместе с тем рассмотрение лексики национальных языков в сфере литературы может быть связано с определенным стилевым течением. Данный подход, предложенный Л. П. Булаховским [12], также в конечном итоге предполагает процесс усвоения, обусловленный воздействием исторически влиятельной литературы.

Применительно к культурно-речевой проблематике вопрос о лексике национальных языков ставится в аспекте целесообразности ее употребления в художественном произведении. Так, М. И. Исаев пишет: «(...) Что дает употребление в русской речи таких слов, как, скажем, *адам* или *киши* и др. вместо слов человек или птица? Ведь ни о какой специфике этих понятий в Средней Азии говорить не приходится. Понятно, что неуместное употребление иноязычных слов в русской речи не могут оправдать никакие ссылки на „местный колорит“. К сожалению, именно такое использование иноязычных эквивалентов нередко встречается в переводах с национальных языков на русский» [13]. Хотя в приведенном высказывании имеется в виду переводная художественная литература, однако